

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

ЖЕНЩИНА, СЕМЬЯ И БРАК В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НИГИЛИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

М.А. Ицкович

Русский нигилизм второй половины XIX века – явление, на протяжении долгого времени вызывающее устойчивый интерес исследователей. Уникальность этого феномена заключается в том, что убеждения и ценности нигилистов были неразделимы с их жизнью. Отрицание всего существующего порядка не ограничивалось интеллектуальным протестом: оно подразумевало отчуждение по отношению к «обществу», противопоставление себя ему. В 1860-х годах сформировалась социальная общность, для которой был характерен совершенно особый тип личности, своя система ценностей, образ жизни и бытового поведения, новые формы и принципы отношений между людьми.

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной в обществе стали той сферой жизни, в которой в наибольшей степени проявилось революционизирующее влияние нигилизма, его разрыв с традиционной культурой. Утверждение равноправия женщин было неразрывно связано с идеями социального освобождения и равенства всех людей вообще. Сущность нового отношения к женщине хорошо выразил П.А. Кропоткин: «Нигилист в женщине желал видеть, прежде всего, товарища, человека, а не куклу, не кисейную барышню»[1].

Это отношение проявлялось в новых манерах общения и повседневного поведения. «Новые люди» абсолютно отрицали все знаки вежливости по отношению к «слабому полу. Платить за женщину, оказывать ей различные мелкие услуги, когда в этом нет необходимости, считалось оскорбительным [2]. Такое намеренное пренебрежение традиционными формами галантности со стороны мужчин было знаком утверждения равенства полов [3], несло социальный и идеологический смысл, как и вообще отказ от «хороших манер» в обращении.

Внешний вид и поведение нигилистов были призваны продемонстрировать их разрыв с обществом. Девушки-нигилистки служили особенно ярким примером этого разрыва, поскольку в общественном мнении того времени какая бы то ни было самостоятельность, проявляемая женщиной в выборе своего образа жизни, считалась предосудительной и аморальной. Женщины отказывались от кринолина, корсета, длинных волос, нарядных платьев, украшений в силу того, что всё это препятствовало активной деятельности и ассоциировалось с праздным, дворянским образом жизни. «Визитной карточкой» нигилисток стали стриженные волосы и простое чёрное шерстяное платье, иногда с белым воротничком и манжетами. Женщины демонстративно курили, участвовали на равных в мужских спорах, высказывая своё мнение резко и прямо, без «светских условностей». В их одежде и манерах проявлялось иное представление о своей социальной роли, выражался протест против отсутствия выбора в собственной судьбе [4]. Характерные высказывания нигилисток свидетельствуют, что «освобождение женщины» понималось ими как самоосвобождение от всего, что принято считать «специфически женским», то есть от своего социального статуса. Считалось, что каждая жен-

щина должна стремиться к тому, чтобы изменить свою природу к лучшему и «постепенно уничтожать свою пошлость». Как и мужчина, она должна быть «серьёзным человеком», заниматься умственным саморазвитием, приносить пользу обществу [5].

Обретение экономической самостоятельности рассматривалось как важнейшая составная часть эмансипации женщины. Распространение идей о необходимости для женщины самостоятельного заработка было вызвано социально-экономическими условиями той эпохи – крайним обеднением дворянства. Девушки из мелкопоместных дворянских семей после отмены крепостного права лишились средств к существованию и вынуждены были искать работу [6]. Однако важную роль играли также идейные соображения. Работа для женщин стала не только потребностью, но и своеобразной модой. Нигилистки поступали на службу в телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками [7].

Важной составляющей нового представления о социальной роли женщины было стремление к знаниям, необходимым для овладения интеллигентными профессиями. «Передовые женщины» посещали лекции в высших учебных заведениях, упорно боролись за право доступа к систематическому высшему образованию, если не было возможности получить его в России – уезжали учиться за границу. Имена таких женщин, как Н.П. Сулова – первая русская женщина, получившая в 1867 году диплом врача в Цюрихском университете – стали символом и образцом для подражания [8].

Со стороны общества и власти нигилистка воспринималась как вызов общественной нравственности и установленному порядку. Любого проявления социального нонконформизма со стороны женщины было достаточно, чтобы повесить на нее ярлык «нигилистки» и «чрезвычайно вредной особы», что зачастую влекло за собой полицейский надзор [9]. Такие характерные детали внешнего облика, как синие очки, подстриженные волосы и плед, могли служить поводом для обвинения в политической неблагонадежности [10]. В общественном мнении сложился стереотип нигилистки как женщины нарочито грубой в общении, неопрятной в одежде, «отвергающей употребление гребня и мыла», как «синего чулка», которая «перестаёт мыться, чесаться и прилично одеваться, и всё это чтобы выгадать время для изучения наук» [11].

Стремление женщин к независимости почти всегда наталкивалось на яростное сопротивление той патриархальной среды, в которой они росли и воспитывались. Поводом для родительского гнева мог стать отказ дочери подчиняться воле отца и вступать в брак по расчёту, желание получить образование, занятия интеллектуальной деятельностью, общение с молодыми людьми «новых убеждений». Все эти попытки женщины выйти за пределы своей традиционной социальной роли рассматривались «отцами» как признак безнравственности и вызывали с их стороны различные формы давления на дочерей, вплоть до жалоб в полицию и угрозы их жизни в случае, если они не отказывались от своего бунтарского поведения [12].

Выходом из сложившейся ситуации было бегство из родительского дома, но само по себе оно не решало всех проблем. По законам Российской империи женщина не могла получить внутренний паспорт, необходимый для нахождения в любом городе или для перемещения по стране, без согласия отца или мужа. Так возникла идея и прак-

тика фиктивных браков. Девушка венчалась по церковному обряду с мужчиной, испытывавшим к ней дружеские чувства и разделявшим её убеждения, для того, чтобы аннулировать юридическую силу родительской власти, а затем фиктивный муж предоставлял ей полную свободу действий.

Особое распространение эта практика получила после выхода в свет романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», когда фиктивные браки в подражание Лопухову и Вере Павловне, с целью освобождения дворянских и купеческих дочерей от семейного деспотизма сделались «обыденным явлением жизни» [13]. Судьбы молодых людей складывались различно: иногда фиктивный брак по взаимному согласию перерастал в фактический, иногда фиктивный муж отказывался предоставлять свободу жене. Но, вне зависимости от реального содержания, которым наполнялись подобные отношения между мужчиной и женщиной, фиктивный брак стал важным элементом нигилистической субкультуры. В нём видели идеальный союз, призванный не только удовлетворять «личные чувства и ощущения», но и служить реализации общего дела и общих идеалов разумного труда и просвещения [14]. В фиктивном браке в наивысшей степени проявлялось новое отношение к женщине как к товарищу, а не как к «объекту любви». Проявление интимности в отношениях между фиктивными супругами резко осуждалось. Если муж влюблялся в девушку, ставшую ему женой, то считал невозможным объявить ей о своей любви, так как это было бы преступлением, посягательством на её свободу [15]. Интересы женщины, её потребность в образовании, в самостоятельной жизни признавались первенствующими.

«Нормальный» для того времени, официальный церковный брак признавался полезным только в том случае, когда служил «средством для достижения... серьёзной цели – приобретения женщиной личной свободы» [16]. Сам по себе законный брак считался «отжившим учреждением», «устарелым институтом». Гражданский же брак представлялся наиболее нравственной, а не наиболее безнравственной, связью между мужчиной и женщиной [17].

Отрицание традиционного брака было логическим следствием характерного для нигилистов негативного отношения ко всем навязанным обычаям, не согласующимся с разумом и с естественными потребностями человека, и в частности к религии [18]. В соответствии с представлениями «новых людей» союз между мужчиной и женщиной должен был основываться не на денежном расчёте, не на воле родителей, а исключительно на взаимной любви, дружбе и доверии, знании друг друга, общности убеждений и совместной работе «в деле обновления жизни». В случае, если эти условия отсутствуют, брак не имеет права на существование. В глазах нигилистов право женщины на отделение было строго равно праву мужчины и было ничем иным, как одним из выражений равенства полов, ревность рассматривалась как проявление чувства собственности [19].

Как мы видим, для самих нигилистов вопросы отношений между полами относились к числу определяющих. Показательно, что различные авторы формулировали основные ценности «новых людей» как «любовь», «знание» и «труд», считали равноправие мужчин и женщин в семейной и общественной жизни одним из важнейших принципов нигилистической субкультуры [20]. Вместе с другими традициями феодального

общества нигилисты отвергали и патриархальную модель взаимоотношений между мужчиной и женщиной, выражавшуюся в нормах этикета, брачной и семейной жизни, в представлениях о социальной роли женщины. Отношение к этим вопросам, которое проповедовали и практиковали нигилисты, было неожиданным и скандальным для российского общества середины XIX века.

Консерваторы обычно объясняли нигилистическую трактовку «женского вопроса» влиянием западноевропейских идей. Такое влияние, конечно, присутствовало, но никакие идеи были бы не в силах заставить людей отказаться от принятой в обществе, закреплённой веками модели поведения, если бы у них не было внутренней потребности. Можно заметить, что в распространении идей женского равноправия, так же как и в оформлении нигилистической субкультуры в целом, важную роль сыграли образованные разночинцы. Для них найти подругу жизни, которая бы разделяла их убеждения и интересы, было серьёзной проблемой: в дворянском обществе они были чужаками из-за своей бедности, незнатного происхождения, незнания «хороших манер», а от родной для них среды мещанства, купечества или духовенства их отделяло полученное образование. Логическим выходом было отрицание всех условностей в общении между полами и требование работы и образования для женщин.

То, что идею женского равноправия выдвинули и пропагандировали мужчины, не подлежит сомнению. Однако женщины откликнулись на эту идею с готовностью, также неожиданной для глубоко патриархального общества. Объясняется это, как уже указывалось, экономическими причинами -- разорением дворянства после отмены крепостного права и необходимостью поиска работы для многочисленных дворянских дочерей. Впоследствии, уже сложившаяся субкультура притягивала других, воспринявших «нигилистический» образ жизни и новые формы отношений между полами по собственному, более или менее сознательному, выбору, как знак протеста против всей социальной системы.

Нигилистическая «сексуальная революция» вызвала в 1860-е годы много насмешек и возмущения, но, тем не менее, её результаты сравнительно быстро укоренились. Уже в следующем десятилетии правительством были открыты Высшие женские курсы, и ни один отец не грозился обрезать косу своей непокорной дочери за её тягу к образованию. Общественным мнением были признаны также и гражданское сожителство мужчины и женщины[21]. Фиктивный же брак, как специфическая черта нигилистической субкультуры, сохранился лишь в кругу политических активистов-народников.

Библиографический список

1. Кропоткин, П.А. Записки революционера / П.А. Кропоткин. - М.: Мысль, 1990. - С. 268.
2. Водовозова, Е.Н. На заре жизни. В 2 т. Т.2. / Е.Н. Водовозова. - М.: Художественная литература, 1987. - С.104-105.
3. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский -- человек эпохи реализма / И. Паперно. - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - С.18.

4. Юкина, И.В. Нигилистки / И.В. Юркина // Женщины в социальной истории России. - Тверь: Тверской государственный университет, 1997. - С.50-51; Павлюченко, Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э.А. Павлюченко. - М., Мысль, 1988. - С.69; Rosenholm, A. The woman question of the 1860's and the ambiguity of the 'learned woman' / A. Rosenholm // Gender and Russian literature: new perspectives. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.116; Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / Р. Стайтс. - М.: РОССПЭН, 2004. - С.154-155.
5. Водовозова, Е.Н. Указ. соч. Т.2. / Е.Н. Водовозова. - С.32, 105.
6. Там же. С. 174; Степняк-Кравчинский, С.М. Подпольная Россия // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1987. С.339; Пиетров-Энрикер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Б/и, 2005. С.302.
7. Павлюченко Э.А. Указ. соч. С.126; Водовозова, Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.174-175.
8. Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М.: Издательство АН СССР, 1961. С.195; Фигнер В.Н. Запечатлѣнный груд. В 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1964. С.99-102.
9. Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1975. P.24.
10. Кропоткин П.А. Указ соч. С.276.
11. Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.9; Щербакова Е.И. Новая нравственность «новых людей». «Отшепенцы» в обыденной реальности // Родина. М., 2007. - №3. - С.59; Паперно И. Указ. соч. С.18.
12. Confino, M. Révolte juvénile et contre-culture. Les nihilistes russes des «années 60» // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1990. Vol. 31(4). P. 512-514; Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1982. С.94-95; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С.198; Шелгунов Н.В. Воспоминания в 2 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1967. С.139.
13. Шелгунов Н.В. Указ. соч. Т.1. С.139-140, Ковалевская С.В. Нигилист // Ковалевская, С.В. Избранные произведения. С.281; Она же. Воспоминания и письма. С.382-383; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С.198-200; Ясинский И.И. Роман моей жизни. М.-Л.: Госиздат, 1926. С.84-85.
14. Паперно И. Указ. соч. С.116.
15. Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С.210, 382; Она же. Нигилист. С.281.; Павлюченко Э.А. Указ. соч. С.94-95.
16. Ковалевская С.В. Нигилист. С.281.
17. Brower D. Op.cit. P.25.
18. Утин Н.И. Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее // Литературное наследство. Т.87. М.: Наука, 1977. С.389.
19. Утин Н.И. Указ. соч. С.389; Ковалевская С.В. Нигилист. С.281; Кропоткин П.А. Указ. соч. С.267; Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.35-36, 104.
20. Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1968. С. 365; Утин Н.И. Указ. соч. С. 392; Степняк-Кравчинский С.М. Указ. соч. С.342.
21. Степняк-Кравчинский С.М. Указ. соч. С. 342; Шелгунов Н.В. Указ. соч. С.141.